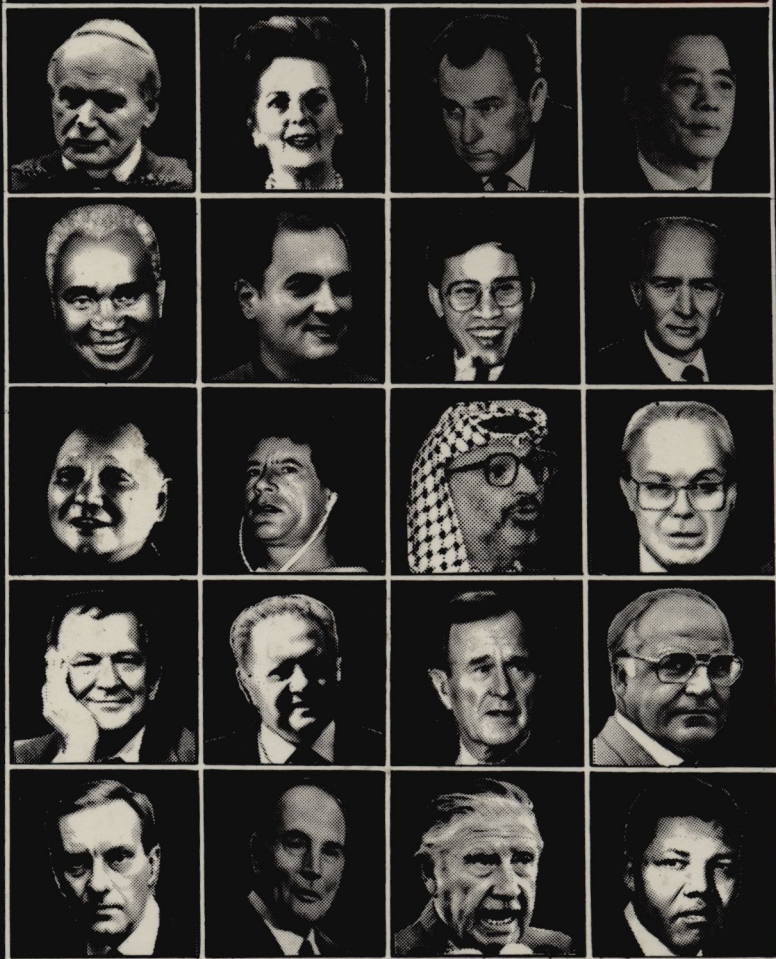

О НИХ ГОВОРЯТ

Политические
портреты
зарубежных
деятели

Политиздат
1989

О НИХ ГОВОРЯТ

Политические
портреты
зарубежных
деятелей

ИОАНН ПАВЕЛ II
(Ватикан)

МАРГАРЕТ
ТЭТЧЕР
(Великобритания)

КАРОЙ ГРОС
(Венгрия)

НГУЕН ВАН ЛИНЬ
(Вьетнам)

КЕННЕТ КАУНДА
(Замбия)

РАДЖИВ ГАНДИ
(Индия)

ХУН СЕН
(Кампучия)

ГЕОРГИОС
ВАСИЛИУ
(Кипр)

ДЭН СЯОПИН
(Китай)

МУАМАР
КАДДАФИ
(Ливия)

ЯСИР АРАФАТ
(Палестина)

ПЕРЕС
ДЕ КУЭЛЬЯР
(Перу)

МЕЧИСЛАВ
РАКОВСКИЙ
(Польша)

МАРИУ СОАРЕШ
(Португалия)

ДЖОРДЖ БУШ
(США)

ГЕЛЬМУТ КОЛЬ
(ФРГ)

ХАРРИ ХОЛКЕРИ
(Финляндия)

ФРАНСУА
МИТТЕРАН
(Франция)

АУГУСТО
ПИНОЧЕТ
(Чили)

НЕЛЬСОН
МАНДЕЛА
(ЮАР)

ББК 66.4(0)

0-11

0-11 О них говорят: (20 полит, портретов) / А. Кра-
сиков, С. Воловец, Б. Шестаков и др. – М.: Полит-
издат, 1989.–447 с.

ISBN 5–250–00877–1

Мировоззрение и социальные корни, образование и особен-
ности характера во многом определяют платформу политика любого
ранга. Поэтому традиционно высок интерес к личностям видных
политических деятелей современности, оказывающих заметное
влияние на развитие ситуации в своих странах и на международной
арене.

Сборник «О них говорят» составлен из политических портре-
тов зарубежных деятелей. Они показаны именно такими, какими
видят их авторы – журналисты, дипломаты, ученые-международ-
ники. В книгу включены разные по стилю очерки – художественно-
документальные, публицистические, монографические, многие из
них были опубликованы в советской периодической печати, но в
сборнике даны более полными.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 66.4(0)

ISBN 5–250–00877–1

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

Идея создания нашего сборника подсказана периодической печатью, где с некоторых пор очень популярной стала рубрика «Политический портрет». Ориентируясь на эту рубрику, в сборник включены политические портреты тех деятелей, личности которых вызвали в печати наибольший интерес.

В книгу вошли не только те политические фигуры, которые давно играют важную роль в жизни своей страны и на международной арене (М. Тэтчер, Ф. Миттеран, Дэн Сяопин и т. д.), но также деятели, которые совсем недавно заняли высшие государственные посты в своих странах (Д. Буш, Хун Сен и т. д.), есть очерк и о такой одиозной фигуре, как диктатор Чили Пиночет. Предлагаемые вниманию читателей первые 20 политических портретов не претендуют на всестороннее исследование личностей, которым они посвящены. Очерки написаны журналистами, дипломатами, учеными-международниками, и каждый автор старался показать политическую фигуру так, как видит ее сам, на основе личных впечатлений от встреч, бесед, а также анализа мемуарной литературы.

Материал в сборнике расположен по странам в алфавитном порядке, а каждый очерк открывается портретом и краткой биографией. Уважаемые читатели, если вас заинтересовал сборник, пишите нам, политические портреты каких деятелей вы хотели бы видеть в следующих выпусках. Ждем ваших предложений и пожеланий.

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР (Великобритания)

Премьер-министр
Великобритании.

Родилась 13 октября 1925 года в городке Грантем графства Линкольншир. После окончания школы в Грантеме М. Тэтчер училась в Оксфордском университете, где изучала органическую химию. С 1947 по 1951 год работала химиком-исследователем. В 1950 году впервые выставляет свою кандидатуру на выборах в парламент, но терпит неудачу. В 1953 году оканчивает курс юриспруденции. С 1954 по 1957 год занимается адвокатской практикой. В 1959 году избрана в парламент. С 1961 по 1964 год – на посту младшего министра по пенсионному обеспечению

и социальному страхованию в правительстве Г. Макмиллана. С 1970 по 1974 год – министр образования. С февраля 1975 года М. Тэтчер становится лидером консервативной партии. С мая 1979 года, после победы консерваторов на парламентских выборах, М. Тэтчер – премьер-министр Великобритании.

В 1951 году М. Тэтчер (урожденная Робертс) вышла замуж за бизнесмена Дениса Тэтчера, у них двое близнецов – Марк и Кэррол.

ПОРТРЕТ БЕЗ РАМКИ

«Может ли в нашей стране мужчина стать премьер-министром?» – спросил недавно младшеклассник одной из английских школ своего учителя. Не в такой наивной форме, но многие взрослые в сегодняшней Великобритании задаются вопросом: может ли в обозримом будущем стать премьер-министром кто-либо, кроме Маргарет Тэтчер? Пребывание во главе правительства в течение такого срока факт сам по себе небывалый в современной английской истории. Но дело не только и не столько в этом. За прошедшие годы Маргарет Тэтчер и ее окружение настолько радикально преобразили страну, что сегодня в равной мере трудно представить себе человека, готового сохранить все, ею сделанное, или, напротив, решившегося бы на ломку устоявшихся структур, такую же, какую предприняла за эти годы она.

Когда речь заходит о М. Тэтчер, в Англии почти неизбежно вспоминают историю, относящуюся к началу ее жизни на Даунинг-стрит, 10. Один из гостей, осматривая портретную галерею ее предшественников на стене у лестницы, ведущей на второй этаж, заметил, что здесь нет места для ее собственного живописного изображения. «Не беда, – был ответ. – Им придется потесниться».

В метафорическом смысле это уже произошло. Рекорд установлен не только по длительности пребывания на посту (никому из консерваторов не удавалось дважды подряд стать премьером в этом столетии, а она стала им трижды), но и по престижу личности, по влиянию на выработку политики практически в любой области. Иногда ее сравнивают с Уинстоном Черчиллем. Но по числу написанного о ней и ее политике она превзошла его.

Естественно, что личность Тэтчер и подробности ее жизни вызывают интерес как у ее соотечественников, так и повсюду в мире, в том числе в нашей стране, особенно после ее визита в Москву в 1987 году и еще многим памятного интервью по московскому телевидению.

Маргарет Хилда Роберте родилась 13 октября 1925 года в совсем небольшом провинциальном городке Грантем, примерно в 170 километрах к северу от Лондона. Еще и сегодня, когда ей кажется это целесообразным по политическим соображениям, она позволяет прорываться линкольнширскому выговору, хотя прекрасно может обходиться и без него. В политических же видах ее часто называют дочерью бакалейщика, и действительно детские годы будущего премьера прошли в квартире прямо над отцовской лавкой. Ее отец Альфред Роберте был одним из семи детей сапожника. Он покинул школу 12 лет от роду и стал учеником у бакалейщика. Затем дела у него наладились. Наступило время, когда он сам стал владельцем магазина в Грантеме. Мать Маргарет также вынуждена была покинуть школу в возрасте 14 лет. Она – дочь служащего на железнодорожной станции. В девичестве зарабатывала тем, что работала швеей в мастерской. Выйдя замуж, стала помогать Альфреду в бакалейной лавке. И сама Маргарет с ранних лет начала работать в этом магазинчике.

Отец был человеком широких интересов, занимаясь политикой в своем городке, стал членом городского совета, потом был избран мировым судьей.

Простонародным и провинциальным происхождением М. Тэтчер в Англии иногда пытаются объяснять истоки идеологии «новых тори», яркой представительницей которых она стала. С этим связывают порой и состав ее кабинетов, по нашему говоря, ее кадровую политику. С тех пор как она возглавила тори, в консервативном правительстве все меньшую роль играют представители потомственной знати, как бывало прежде, и все боль-

шую – «меритократия», люди, выдвинувшиеся личными заслугами, или, как еще говорят англичане, «сделавшие себя сами».

В действительности это не так. Факты верны, но объясняются они гораздо более сложными причинами, чем детские годы, проведенные Маргарет Роберте в сонном городке Грантем. Она очень рано рассталась с провинцией и почти в детстве окунулась в политическую жизнь.

Еще в школе (и это широко распространено в Великобритании) она примыкает к местному отделению консервативной партии. Для продолжения образования был избран один из двух лучших университетов страны – Оксфорд. Вместе с Кембриджем – их часто объединяют под общим именем Оксбридж – это не только школы интеллектуальной элиты, но и до сих пор основной питомник высших политических администраторов как для консерваторов, так и для лейбористов. В те времена, когда Тэтчер (вернее, Роберте) изучала химию в Оксфорде, далеко не все его колледжи принимали на учебу женщин. Поэтому она выбрала «Сомервилль-колледж», где их принимали и где до нее училась еще одна знаменитая женщина-премьер: Индира Ганди.

Первые попытки приобщиться к большой политике были сделаны в самом начале 50-х годов в возрасте всего двадцати пяти лет, но неудачно: в парламент она не прошла, хотя выступала вполне удачно в избирательном округе, считающемся традиционно лейбористским. Это обычное английское правило: новичков бросают баллотироваться в округа, где популярнее партия противника. Так можно посмотреть, чего человек стоит в самых трудных условиях, а поражение его не наносит такого ущерба партии, как провал ее видных фигур.

В 1951 году Маргарет обретает свою нынешнюю фамилию, она выходит замуж за Дэниса Тэтчера, преуспевающего бизнесмена, владельца химических пред-

приятый, вкладывающего деньги в лакокрасочную промышленность. После рождения близнецов Марка и Кэрол в 1953 году Маргарет Тэтчер делает перерыв в политической карьере, но очень продуктивно использует его для расширения образования. Она изучает юриспруденцию и экономику.

Еще в Оксфорде она совмещала занятия химией и юриспруденцией, думая заняться выгодной адвокатской практикой в области патентного права. С тех пор М. Тэтчер приучила себя к чтению преимущественно серьезной научной литературы. Когда ее спрашивают, что она читает сейчас, обычно следует название книги, которую никак не назовешь легким чтением. Хотя, возможно, это также часть «публичного образа» премьер-министра.

В 1959 году она становится членом парламента. Пройдет долгих 20 лет, прежде чем она получит ордер на Даунинг-стрит, 10. Еще никто не видел в ней не только премьера, но даже возможного члена кабинета – министром образования и науки она станет только в правительстве Э. Хита в начале 70-х годов.

Во время пребывания в этом министерстве она получила прозвище «Тэтчер-милк снетчер» (похитительница молока) за то, что отменила выдачу бесплатного молока в школах. Задолго до того, как Р. Рейган провозгласил, что бесплатных завтраков не бывает, английский министр лишил таких завтраков английских детей. Эта история не забыта и по сей день. Критики «тэтчеризма» видят в ней начало последовательного сокращения государственной поддержки неимущих. И, вероятно, справедливо.

Пока же шло медленное накопление опыта в лондонских «коридорах власти», с одной стороны, и довольно быстрые перемены в жизни страны – с другой. Эти перемены и вызвали появление на авансцене британской политики «новых консерваторов» во главе с Тэтчер...

К концу 70-х годов за Англией прочно утвердилась

ключка «больного человека Европы». Болезней было несколько. Самая опасная – высокий уровень инфляции, достигавшей двузначных цифр. Инфляция съедала не только пенсии и заработки трудящихся, но и доходы сравнительно обеспеченных людей из тех, кого англичане называют «средним классом»: юристов, банковских служащих, чиновников и т. п.

Лейбористское правительство, находившееся у власти с небольшим перерывом с 1974 по 1979 год, пыталось решить проблему двумя путями. Во-первых, договориться с профсоюзами (составляющими структурно часть лейбористской партии) о «социальном контракте» – замораживании заработной платы, чтобы остановить бешеный рост цен. Сделать это не удалось. Профсоюзы, находившиеся в это время в зените своего влияния, решительно отстаивали уровень благосостояния своих членов, не соглашаясь в таких условиях на замораживание зарплат и все чаще прибегая к забастовкам.

Во-вторых, лейбористы в поисках средств для капиталовложений в государственный сектор промышленности и на финансирование социальных программ все время повышали налоги. От стандартной ставки в 33 процента подоходный налог для очень богатых людей доходил до 83 процентов. Другими словами, из каждой тысячи фунтов стерлингов дохода богачей они могли оставлять себе только 173 фунта. В таких обстоятельствах началось бегство капитала за границу и сокращение капиталовложений в частном секторе.

Правительство было вынуждено прибегнуть к займу у Международного валютного фонда. Это оскорбило чувства англичан, поскольку они считали, что у этого финансового института деньги берут в основном развивающиеся страны. (Это неверно, но в то время на Британских островах это было господствующим мнением). К тому же МВФ связал предоставление денег с условием сокращения правительственных расходов, что было

одним из главных пунктов программы консерваторов. Удар по престижу лейбористов оказался сильным.

Напряженность нарастала и достигла пика к зиме 1979 года, названной тогда «зимой тревоги нашей» (цитата из Шекспира). Все чаще звучал вопрос: не становится ли Британия неуправляемой? В таких обстоятельствах наступили выборы 1979 года, которые и сделали впервые премьер-министром Маргарет Тэтчер в возрасте 54 лет.

За четыре года до этого М. Тэтчер стала лидером консервативной партии, оттеснив от руководства Э. Хита и У. Уайтлоу. К. Джозеф, самый заметный в то время идеолог «новых консерваторов», уклонился от лидерства. Биографы М. Тэтчер называют это «необыкновенным везением, успешным государственным переворотом». Возможно, в этот начальный момент везение в какой-то мере сопутствовало ей, но важнее всего, что правые радикалы в партии уже тогда разглядели в будущем премьер-министра незаурядного и твердого выразителя своих взглядов.

Ее программа, сформулированная и провозглашенная от имени партии тори, получила название «тэтчеризма», или «нового торизма». Такие же имена носит и практическая политика, проводимая вот уже десять лет консервативными правительствами во главе с Тэтчер.

Конечно, не только она была автором суммы взглядов, окрещенных ее именем. Очень большое влияние на нее и выработку основополагающих принципов политики имел Кит Джозеф, видная фигура в партии тори, теоретик и на начальном этапе глава их «мозгового треста».

В области экономики и финансов такую же роль сыграл Джеффри Хау, сначала министр финансов, а затем министр иностранных дел.

Здесь уместно сказать об умении М. Тэтчер подбирать людей для выполнения определенных задач в своей администрации. Когда она впервые сформировала свой

кабинет, он был похож по составу на правительство, скажем, Макмиллана. В нем было семь выпускников частной школы в Итоне, на спортивных площадках которой, как говорят, родились все былые победы Британии, то есть были выпестованы победители в сражениях, которые вела страна. Но вскоре аристократы, вроде Соамса, Гилмора, лорда Каррингтона, Торникрофта, один за другим сходили со сцены. Их место занимали люди с более скромной родословной, сами пробившиеся к богатству и власти. Они и сегодня вместе с Тэтчер.

Это, например, Сесил Паркинсон, сын железнодорожника, ставший министром; сын лавочника Норман Теббит, о котором говорят как о возможном преемнике Тэтчер, если это вообще возможно; сын часовщика министр Кеннет Кларк и т. д.

В одном из последних серьезных исследований, вышедшем одновременно в Англии и в США, книге известного политического обозревателя Питера Дженкинса «Революция миссис Тэтчер» говорится об административном стиле премьер-министра: «Число заседаний кабинета Тэтчер сократила примерно вдвое по сравнению с послевоенной нормой. Большинство министров боялись ее. Попросить приема – значило вызвать на свою голову дотошный разнос вверенного вам ведомства.

Тэтчер правит с помощью множества специальных комитетов, состоящих из преданных ей людей. Ее психология аутсайдера побуждала смотреть на членов кабинета как на участников личного заговора против нее. Значит, надо было самой отвечать тоже тактикой заговора. В этих целях она привлекала людей со стороны, вела дела непосредственно с должностными лицами, которые вызывали ее симпатию, действовала через доверенных лиц, занимавших стратегические посты в министерствах». Бывший лорд-канцлер лорд Хейлшем заметил, что Тэтчер следует включить в ту же категорию, что и Марию Кровавую, Елизавету I, королеву Анну

и королеву Викторию. Из этих четырех он считает более похожей на Тэтчер Елизавету I. Придворные Елизаветы никогда не знали, когда с ними будут обращаться как с близкими друзьями, а когда ткнут в глаз зонтиком.

Как было сказано, в Англии иногда говорят, что на симпатии и антипатии Тэтчер оказывает влияние ее скромное собственное происхождение. Это неверно. В действительности работают два других главных фактора.

Во-первых, прибегая к спортивной терминологии, не все достаточно тренированы, чтобы играть в команде Тэтчер. Она требует от других присущих ей самой энергии и огромной трудоспособности. Ее рабочий день начинается в шесть часов утра и заканчивается в час ночи. Пока она просматривает утренние газеты, Дэнис Тэтчер по ее просьбе смотрит утренние программы телевидения, чтобы кратко пересказать ей важнейшие новости. Выходных дней в обычном понимании слова у нее очень немного: находясь в загородной резиденции Чекере, она продолжает работать. Ее любимый эпитет применительно к стилю руководства или качествам политика – английское слово «вигерес», что означает высшую превосходную степень энергичности.

Я помню, как следил по телевидению всю ночь за перипетиями голосования на парламентских выборах в мае 1983 года, когда она стала премьером на второй срок. Часа в три ночи торжествующая М. Тэтчер благодарила своих избирателей в своем лондонском районе Финчли. А в 10 часов утра на Даунинг-стрит, 10, она уже проводила первое заседание нового кабинета. Все знают, как проявляет телевизионная камера малейшие оттенки настроений и эмоций на человеческом лице. Не было и малейшего следа усталости.

Такое же впечатление она произвела, когда в городском курорте Брайтоне на съезде консервативной партии террористы из Ирландской республиканской армии предприняли покушение на ее жизнь, взорвав ночью бомбу

рядом с ее номером. Гостиница оказалась наполовину разрушенной (тогда был серьезно ранен министр Норман Теббит). Тэтчер не пострадала и утром с полным самообладанием выступила на конференции с речью, работу над которой прервал ночной взрыв.

Не все соответствуют таким стандартам энергичности и самоотдачи. За десятилетие около 25 министров подали в отставку, хотя далеко не все, как у нас говорят, по собственному желанию. Возможно, люди, пробившиеся наверх собственным умением, как и Тэтчер, умеют работать лучше, чем отпрыски аристократов, насчитывающие многие столетия предков в своих родословных.

Но главное не в этом. Аристократы тоже легко находят свое место под солнцем, если они искренне (или умело притворяясь) исповедуют доктрины «новых тори». Примером может служить хотя бы новая яркая звезда в окружении премьер-министра – М. Леннокс-Бойд, который быстро выдвинулся в партийной иерархии в конце 1988 года.

Суть в том, что сильно изменились не только доктрины, но и социально-политическая база консерваторов. В прошлом они претендовали на представительство от имени всего населения, за исключением групп, ориентирующихся на социализм (то есть прежде всего, конечно, на лейборизм). Программы старых консерваторов всегда тяготели к золотой середине, к относительной умеренности. Именно на этой основе искали они поддержки у большинства избирателей. Они всегда высказывали серьезную обеспокоенность проблемами, жизненно важными для крупных общественных групп: пенсионеров, безработных, торговцев и мелких предпринимателей под угрозой разорения и т. п. Они всегда – по крайней мере на словах – поддерживали принцип равенства человека перед другими людьми, а не только перед богом и законом.

Тэтчер и ее единомышленники радикально изменили

консервативные концепции. Прежде чем изложить их, нужно сказать, что естественным образом это натолкнулось на заметное сопротивление традиционалистов. Дело дошло до того, что министр иностранных дел в первом правительстве М. Тэтчер Френсис Пим (уже расставшись со своим постом) создал в парламенте нечто вроде внутренней оппозиционной группы, которая призывала правительство смягчить отношение к профсоюзам, увеличить капиталовложения в государственный сектор, оказать помощь миллионам безработных и их семей, то есть в какой-то мере вернуться к старому «умеренному» торизму.

Я помню слезы на глазах у стариков, слушавших такой же призыв к состраданию по отношению к тем, для кого современная Англия не стала раем земным, престарелого Гарольда Макмиллана, выступавшего в палате лордов. Сторонники такого подхода получили от консервативных радикалов и от самой Тэтчер прозвище «мокрых». Может быть, из-за видимых и невидимых миру слез. Таких людей, естественно, было больше среди избалованных жизнью прекраснодушных британских аристократов, чем среди жестких, честолюбивых Растиньяков новой школы, правдами и неправдами пробившихся к верхам, для которых «тэтчеризм» был собственной религией и обоснованием их права на власть.

Вообще, в подходе М. Тэтчер к людям и человечеству видится много ницшеанского: та же инстинктивная нелюбовь к идеям равенства, недоверие к свободной мысли, обожествление преодоления трудностей, воли, энергии... Это в наибольшей степени и создает облик тоталитаризма, что скорее всего несправедливо. Просто она использует до крайних пределов возможности английской буржуазной демократии, чтобы привести страну в соответствие со своими идеями.

Я не знаю, нужно ли, прежде чем обратиться к изложению программы М. Тэтчер, делать здесь оговорку для

читателя о том, что настоящее действенное сопротивление «тэтчеризму» исходит, конечно, не от консерваторов традиционной школы, а со стороны трудящихся, их профсоюзных и политических организаций. И что не только достоинства личности премьер-министра и некоторые стороны ее программы привлекают к ней сейчас большинство избирателей. Здесь сказывается и многолетний упадок лейбористской партии. Что же касается Тэтчер, то отдающие ей голоса на выборах делают это часто с позиций наименьшего, с их точки зрения, зла, одновременно осуждая многое в ее программе с позиций морали и нравственности.

Быть может, стоит привести здесь довольно обширную цитату, слова одного из лучших современных английских писателей – Джона Фаулза, которые я записал у него дома, когда попросил рассказать, что он думает об идеологии «новых тори». Вот они:

«Я далек от коммунизма, но никогда не приму расхожих доктрин буржуазной идеологии. Когда я слышу применительно к нашему обществу слова «свобода, равенство, братство», я всегда думаю о тигре и двух ягнятах в одной клетке, от которых ждут безбедного житья. Свобода в понимании западных консерваторов означает, что мы все равны в попытках добиться успеха, если мы его хотим, но, если мы его не добились, тем хуже для нас. В то же время любому ясно, что минимальная институция равенства в обществе предполагает высокую степень государственного контроля и ограничение подобной свободы.

Нам не нужна свобода, которая отвергает всякий социальный и экономический контроль над меньшинством, сумевшим добиться успеха. Нам нужно самое суровое ограничение свободы, на которую молится официальный Запад и чье подлинное назначение состоит в том, чтобы поддерживать систему, при которой добившийся успеха сохраняет власть и делает деньги. Ограничение

такой свободы стало биологическим и экологическим императивом».

Это по-писательски эмоциональное, но, в общем, точное восприятие основы политической доктрины Маргарет Тэтчер. Прежде чем перейти к ней, подробно дадим еще одну (и последнюю из длинных) цитату из книги известного английского ученого-политолога Роберта Блейка «История консервативной партии от Пия до Тэтчер», вышедшей в свет три года назад:

«Она вознамерилась остановить долговременный упадок экономики с помощью политики «монетаризма», сокращения государственных расходов и налогообложения, прекратить государственное субсидирование «больных уток», то есть предприятий, не приносящих достаточной для самостоятельного существования прибыли или убыточных, «приватизации» (то есть передачи в частные руки) национализированных отраслей промышленности. Она считает инфляцию большей опасностью, чем безработица. Она убеждена, что нужно отказаться от попыток государственного регулирования цен и доходов. Профсоюзы и предприниматели более не рассматривались как стороны в споре, где нужно советоваться с ними и искать для них компромисс. Все должно было решаться свободным рынком».

Все это, как видим, очень похоже на развитие событий в Америке в 80-х годах, которое по другую сторону Атлантики получило название «рейганизма». Предприниматель, рабочий и потребитель получили «свободу» соревнования на свободном рынке, а государство оставило за собой оборону, внешнюю политику и поддержание общественного порядка, стараясь свести к минимуму свои обязанности в области социальных программ, образования, здравоохранения и т. д.

Я помню, как накануне выборов 1983 года Маргарет Тэтчер неожиданно выступила с несколькими призывами в защиту традиционных английских добродетелей вик-

торианской эпохи. Правая печать немедленно подхватила тему, расхваливая былые твердые моральные устои, привычку к тяжелому труду, суровому быту, а главное – личную ответственность индивидуума за свою судьбу, которую тогда он не пытался, как ныне, перекладывать на плечи государства.

Этот внезапный ностальгический порыв в прошлое был вполне объясним. В первые годы правления «новых тори» безработица в стране росла в темпе 1500 человек в день. Два года назад в Англии было, по официальным данным, около 3 миллионов безработных, а по профсоюзным – все четыре. Экономика, особенно в традиционных областях, когда-то дававших стране право называться мастерской мира, – сталелитейной, металлообрабатывающей, машиностроительной, судостроительной промышленности, оказалась настолько подорванной, что этот процесс, получивший у англичан название деиндустриализации, возможно, стал для некоторых из них необратимым.

Были переданы в частные руки (путем выпуска и продажи акций) гигантские государственные корпорации (первыми «Бритиш телеком» – все предприятия связи в стране и «Бритиш гэс» – газовая промышленность). Только что за ними последовала «Бритиш петролеум» – нефть. На очереди – сталь, электроэнергия, водоснабжение. Наконец, если тори победят и на предстоящих в 1992–1993 годах парламентских выборах, последует продажа угольной промышленности.

Несколько лет назад Англия впервые со времени промышленной революции начала ввозить больше промышленных товаров, чем вывозить. А к концу 1988 года торговый дефицит государства в пересчете на год достиг ужасающего размера – 13 миллиардов фунтов стерлингов.

Все эти цифры, факты, проценты затрагивают судьбы миллионов людей. В первой половине 80-х годов анг-

лийские ученые-социологи пришли к выводу, что каждый миллион безработных означает 50 тысяч преждевременных смертей в год и более 60 тысяч обращений в психиатрические клиники. Такова была цена экономической политики «тэтчеризма» в человеческом измерении.

Естественно встает вопрос: каким образом такие последствия не помешали М. Тэтчер удержаться у власти (и не просто удержаться, а с хорошим большинством в парламенте) на второй и третий срок?

Прежде всего у экономической и социальной политики Тэтчер есть свои привлекательные стороны, но о них чуть позже. Сначала следует назвать три обстоятельства с очень большим содержанием в них случайности и непредсказуемости, которые в огромной степени помогли консерваторам в самый трудный, первый период их пребывания у власти, когда, казалось, неудержимый рост безработицы и сокращение промышленного производства лишали их шансов на следующих выборах.

Первым был конфликт из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Трудно передать словами, какую мощную вспышку шовинистических настроений вызвал он в Англии. Как кстати оказалась для тори военная победа в конфликте! «Большой человек Европы» избавлялся от комплекса неполноценности! М. Тэтчер ежедневно предстала в благожелательных рисунках газетных карикатуристов в виде победоносной воительницы Британии в римском шлеме и с национальным флагом «юнион джек» на щите. Пожалуй, за исключением коммунистов и левонастроенной интеллигенции, Мэгги получила всеобщую поддержку. Как пригодилась она вскоре на выборах, давших ей неслыханное большинство.

Вторым обстоятельством, позволявшим сводить концы с концами в области финансов, являлись богатые залежи нефти в Северном море. Никто не мог предположить, что запасы так велики, что добыча нефти достигнет примерно 90 миллионов тонн в год, и Англия, покупавшая

нефть, вдруг войдет в первую десятку нефтедобывающих стран.

Государственные доходы от нефти достигали 10 миллиардов фунтов стерлингов, и эти деньги помогали продержаться в самые черные времена, в частности дали возможность финансировать программы помощи безработным.

Наконец, своего рода внутренним фолклендским кризисом стала гигантская, длившаяся год забастовка шахтеров в 1984–1985 годах. Как было сказано, правительство считало одной из своих стратегических задач ослабление английских профсоюзов. С этой целью в 1980, 1982 и 1984 годах последовательно принимались законы, которые, во-первых, чрезвычайно урезали права профсоюзов на ведение законных забастовок, а во-вторых, мешали другим профсоюзным объединениям помогать своим бастующим товарищам (например, были объявлены незаконными забастовки солидарности и устроившему их профсоюзу грозили миллионные штрафы).

Тем временем в соответствии с общей экономической линией М. Тэтчер Национальное управление угольной промышленности начало увольнение десятков тысяч шахтеров, чтобы «рационализировать» добычу и понизить цену на уголь для потребителей, в частности государственных же электростанций. Шахтеры ответили забастовкой. Правительство «не вмешивалось» в нее. Это значит, что по прямому указанию премьер-министра никто из кабинета не пытался посредничать или искать приемлемый компромисс. Зато были мобилизованы десятки тысяч полицейских, чтобы охранять штрейкбрехеров там, где они были, и транспортировку закупленного правительством за границей топлива.

Целый год шла эта схватка, стоившая четырех человеческих жизней, сотен раненых и непередаваемой горечи, оставленной ею у сотен тысяч людей. Маргарет Тэтчер победила шахтеров. И снова очень и очень многие

аплодировали. Представьте себе 7 миллионов английских пенсионеров. Это правительство обрело их считать каждую копейку и жить в холодных квартирах зимой, когда нечем заплатить за отопление. Но это же правительство сделало так, что отопление и свет не выключаются в результате забастовок. Что больше не бастуют мусорщики и на улицах чисто. Может, это покажется нашим читателям странным, но большинство пожилых людей в Англии готовы мириться с материальными лишениями, если им обеспечен «порядок».

После шахтеров большой бой дали два года назад английские печатники и тоже проиграли. Без большого риска ошибиться можно предсказать, что забастовочное движение, бывшее самой страшной опасностью хоть для консервативного, хоть для лейбористского правительства в 70-е годы, сейчас едва ли способно серьезно угрожать Маргарет Тэтчер.

Но это события, исход которых нельзя было знать заранее и давшие относительно краткосрочный кредит победителю. Что произошло с программой «новых тори» если оценивать ее комплексно? Как помните, главным врагом была объявлена инфляция, прыгавшая в первые полтора года пребывания М. Тэтчер у власти от 10 до 16 процентов. Обещание было выполнено, и примерно пять последних лет она оставалась на уровне 4 процентов. До нуля, как хотели, ее довести не удалось, но цифра эта, следует признать, вполне терпимая. Правда, в 1988 году она выросла до 6 процентов.

Далее, с 1981 года темпы экономического роста в Англии были выше, чем у ее основных европейских соперников. В последние два года приросты валового внутреннего продукта и промышленного производства превзошли самые оптимистические прогнозы, составив соответственно 4,4 и 3,2 процента. Но нужно помнить, что этот рост начался с низкого уровня и что по валовому национальному продукту на душу населения страна все

еще далеко отстает от ФРГ, Франции, Бельгии и Нидерландов.

Снизилась инфляция, выросла производительность труда, окреп фунт стерлингов. Налоговые ставки значительно понизились, для людей очень состоятельных – почти вдвое. Как видим, богатые выиграли неизмеримо больше, но АП. Тэтчер может с основанием говорить, что прибавилось у всех. Разве что кроме безработных и пенсионеров, составляющих вместе почти пятую часть населения. Но это меньшинство, которым пренебрегают. Компьютерные просчеты точно показывают, что не оно будет решать исход очередных выборов.

«Новые тори» твердо сделали ставку на имущих. Тот же Питер Дженкинс называет собственников социальным избирательным округом М. Тэтчер. И приводит интересные цифры. С 1979 года процент домовладельцев в Англии вырос с 52 до 66. Из миллиона тех, кто выкупил муниципальные дома и стал их собственником, 44 процента составляют квалифицированные рабочие. В 1979 году только 7 процентов избирателей были держателями акций, а в 1987 году (к последним парламентским выборам) их стало 19 процентов. Из тех, кто приобрел акции проданных государственных компаний «Бритиш гэс» и «Бритиш телеком» (и некоторых других), 56 процентов голосовали за тори, за лейбористов – 16 процентов. В то же время, пишет Дженкинс, в 1987 году 8 миллионов человек, или 17 процентов населения, жили на краю бедности или ниже установленного порога бедности – на 33 процента больше, чем в 1979 году.

Как-то Тэм Дэлиелл, член парламента от лейбористской партии, задал премьер-министру один из тех непочтительных и неприятных вопросов, которыми он так славится. Изобразив невинную наивность, он поинтересовался, во сколько обходится ежегодно дом на Даунинг-стрит, 10.

В ответ была названа поразительная сумма – 4,9

миллиона фунтов стерлингов, что на 600 тысяч больше, чем средства, которые парламент выделяет королеве на содержание всех ее дворцов и замков. Впервые в истории на содержание премьер-министра расходуется больше, чем на монарха.

...Когда читаешь биографии или, вернее сказать, монографии о Маргарет Тэтчер, замечаешь трудности, стоящие перед ее биографами. Несмотря на ее стремительный взлет, завидное долгожительство на вершине власти и глубокий отпечаток, наложенный ею на национальную жизнь, почти не находишь ярких человеческих деталей, делающих подобные повествования интересным чтением. Говорят, что стиль – это человек. Можно сказать, что Маргарет Тэтчер – это ее работа и ее политика. Жизнь Уинстона Черчилля, ее кумира, даже до первой мировой войны вполне способна послужить канвой занимательного романа. Имена Идена и Макмиллана встречаются на страницах истории рядом с именами Сталина и Хрущева задолго до того, как они стали премьерами.

С М. Тэтчер намного труднее. Самые тщательные поиски любопытных деталей ее школьной жизни дали жалкий результат: ее бывшие одноклассники смогли только вспомнить, что юную Мэгги дразнили «снобом». Поэтому любая подробность личной жизни, вроде привычки к быстрой еде из банок и пакетов, приобретает преувеличенное значение. Поэтому цитата из Франциска Ассизского в ее речи обсуждается в течение месяцев. Поэтому так тщательно следит пресса за поведением ее детей – теперь преуспевающего бизнесмена Марка и журналистки Кэррол.

Поскользнуться на банановой кожуре – так называют англичане неловкие политические поступки или проступки, бросающие тень на политика. Как правило, в карьере каждого бывает несколько более или менее серьезных падений. К чести М. Тэтчер можно сказать, что она никогда не падала, лишь иногда теряла равновесие, до-

пуская слишком резкие, порой бестактные высказывания, укреплявшие во мнении, что она склонна к тоталитарным методам или равнодушна к страданиям тех групп населения, которым «тэтчеризм» заметно их прибавил.

Лишь один-единственный раз прессе показалось, что М. Тэтчер замешана в неприглядной финансовой истории. Во время одной из зарубежных поездок она содействовала получению заказа от ближневосточной страны для группы британских строительных компаний, в которой ее сын Марк владел пакетом ценных бумаг. Но этот казус был сильно раздут. Через некоторое время единственным, в чем еще упрекали премьера, было то, что она использует свой пост для прямого коммивояжерства, для получения выгодных для британской промышленности контрактов.

– Да, это так, – ответила на это Тэтчер, – и я этим горжусь. У нас много говорят о безработных. Добиваясь контрактов, я получаю рабочие места для британских рабочих.

И нужно сказать, что быть ходатаем по делам и в интересах английских промышленников действительно считается честью. Этим часто занимается в своих зарубежных поездках и наследный принц Чарльз.

Будет несправедливо опустить редко используемый теперь у нас, но не забытый на родине Тэтчер эпитет, данный ей журналистами, – «железная леди». У нас он чаще всего использовался в связи с ее международной политикой, отличающейся такой же определенностью и жесткой манерой поведения, как и внутренняя. Три основных ее элемента: особые, то есть очень близкие, отношения с США, опора на сохранение собственного ядерного потенциала и членство в НАТО, наконец третий – активная позиция в Европейском экономическом сообществе и одновременное стремление сохранить максимальную независимость страны от объединенных руководящих органов «Общего рынка».

По этому поводу один английский исследователь пишет: «Ее инстинктивный антиевропеизм несколько смягчился с годами пребывания у власти, хотя и не в отношении институтов сообщества, особенно Европейской комиссии. Если она ненавидела что-либо больше, чем бюрократию, так это международную бюрократию. Однако она все же пришла к выводу, что Европа может быть полезным, даже необходимым политическим форумом для осуществления английского влияния».

Маргарет Тэтчер, как старейший по сроку пребывания у власти глава правительства, в странах НАТО очень бы хотела примерить «корону лидера западного мира», которую сложил с себя президент США Р. Рейган. Многие оценивают это «наследство» по-разному – одни упирают на то, что она остается «хранителем» консерватизма, идеи «атлантической солидарности», особых отношений с США. Другие отмечают открывающуюся перед Тэтчер объективную возможность использовать накопленные ею опыт и политический авторитет для того, чтобы продвинуть вперед ставший велением времени диалог Восток – Запад.

В направлении развития отношений с Востоком в политике М. Тэтчер сохраняются как бы два пласта. Сегодня она трезво учитывает настроения в мире и в Великобритании, где опросы общественного мнения раз за разом показывают, что около 70 процентов англичан больше не считают СССР угрозой для себя. Тэтчер была одним из первых западных лидеров, кто уловил переход Советского Союза в качественно новое состояние. Принимая М. С. Горбачева в Лондоне в декабре 1984 года, она с присущим ей политическим чутьем не только подметила новые веяния в советском обществе, но и поняла, что в руководстве СССР есть силы, способные выработать и осуществить принципиально новый политический курс.

Тэтчер поддержала нашу перестройку, разумеется,

отнодь не из филантропических побуждений. Совершенно очевидно, что происходящие в нашей стране процессы она рассматривает со своих собственных, в том числе и классовых, позиций. Но ясно и другое. Десятилетия военно-политической конфронтации с СССР отнодь не способствовали укреплению внешнеполитических позиций Британии, не говоря уже о безопасности этой страны.

И хотя, скажем прямо, пальма первенства в переосмыслении характера отношений между Востоком и Западом после 1984 года ею была упущена, а новое мышление консервативной М. Тэтчер дается нелегко, сегодня она, по ее словам, намерена «идти дальше и дальше». Она выступает за развитие экономических, научных, культурных связей с нашей страной и в этой области многое сделано.

Широкий отклик в Великобритании получило выступление М. С. Горбачева в ООН. На следующий день все английские газеты вышли под крупными заголовками, комментирующими новые советские инициативы. Вот только перечисление некоторых «шапок», набранных самым крупным шрифтом. Газета «Таймс»: «Горбачев провозгласил новую эру». Газета «Индепендент»: «Мирные инициативы Горбачева. Речь, которая войдет в историю». Газета «Гардиан»: «Новая эра Горбачева». Здесь же были напечатаны и официальные отклики. Все они приветствовали советские инициативы как важные и конструктивные. Премьер-министр М. Тэтчер видит в них важный шаг в направлении установления баланса сил в Европе. Она признает право Запада и Востока на равную безопасность в духе нового политического мышления. Большую роль в развитии добрососедских отношений, взаимопонимания в духе «общего европейского дома» сыграли визит М. Тэтчер в Москву в 1987 году и визит М. С. Горбачева в Англию в 1989 году.

Но есть и другой пласт, пусть даже ставший намного

тоньше со второй половины 80-х годов. Он связан с ее твердым убеждением, что мир в Европе в течение последних сорока лет сохраняют главным образом ядерное оружие и доктрина ядерного сдерживания. Она, пожалуй, проявляет сейчас наибольший энтузиазм среди европейских руководителей по отношению к идее модернизации ядерного оружия, остающегося в Европе после ликвидации ракет средней и меньшей дальности, уничтожаемых в соответствии с советско-американским Договором по РСМД.

...Говорят, что современный западный политик обречен, если он неважно выглядит на телевизионном экране. Много раз приходилось слышать, что М. Тэтчер выглядит на экране не лучшим образом. Когда об этом заходил разговор, я говорил английским коллегам, что, на мой взгляд, дело в том, что премьер-министр скорее всего не пользуется симпатиями у телевизионных журналистов своей страны.

Помню, показывали посещение М. Тэтчер во время визита в ФРГ танкодрома британской Рейнской армии. Погода была пасмурная, накрапывал дождь. Выйдя из вертолета, она, нарядно одетая, в туфлях на высоких каблуках, оказалась среди размешенной танковыми гусеницами пастообразной глины. Телекамера злорадно, выбирая самые невыгодные ракурсы, показывала, как упорная М. Тэтчер преодолевала глубокие колеи, чтобы поговорить с танкистами.

Вообще диктат телевидения ставит политиков в трудное положение. Телекамера требует действия, динамики, движения, полной искренности и уверенности в себе. Двух последних качеств у Маргарет Тэтчер в избытке. Но помню, как уже у себя дома, посетив судовой верфь, она решила под прицелом камер взобраться по каким-то металлоконструкциям. Результат был не многим лучше, чем на танкодроме.

А вообще Тэтчер выступает по телевидению, на мой

взгляд, удачно. В последнее время английская печать подробно обсуждала влияние телевидения на политическую жизнь страны, и многие обозреватели сошлись на том, что парламентские выборы были выиграны консерваторами на телевизионном экране.

Заметили, что и Маргарет Тэтчер все более уверенно держалась перед телекамерой и заметно усовершенствовала свое актерско-ораторское мастерство. Оказывается, изобретен прозрачный экран, невидимый зрителем, на который проецируется текст речи, и эта система, впервые примененная консерваторами, помогала им выглядеть людьми уверенными и убежденными в том, что они говорят.

В прошлом году М. Тэтчер сказала о себе и своей партии: «Мы останемся еще раз, еще и еще...» Но чтобы победить на выборах еще раз, у самих консерваторов может появиться соблазн сменить лидера и выдать эту смену за смену политики, чтобы остаться действительно еще раз, скажем в 1991 году, но уже без М. Тэтчер.

Хотя вначале говорилось, что тори не видят ей настоящей замены, кто все-таки мог бы ее заменить?

Опросы общественного мнения показали, что если говорить о всем населении страны, то такого преемника видят прежде всего в бывшем министре обороны Майкле Хизелтайне, которому пришлось уйти из кабинета не только потому, что его считали «мокрым», то есть либеральной ориентации, но и из-за личных разногласий с М. Тэтчер.

Если брать только тори, то они предпочли бы в этом случае бывшего министра Нормана Теббита, идеологически очень близкого к премьер-министру.

Но как бы ни было, все это из области гадания на кофейной гуще. Маргарет Тэтчер сказала, что намерена остаться. Она редко шутит. Говоря о политике, она не шутит никогда.

Сергей Воловец